

Идеальный коллапс

Газета.ru, 21.03.2017, 09:01

Андрей Колесников о том, что означают непрекращающиеся скандалы в РАН

Владимир Астапкович/РИА «Новости»

Участники на общем собрании Российской академии наук в Москве, 20 марта 2017 года

«Надо, чтобы коллапс там не наступил. Но я еще позвоню нашему коллеге Фортову, если надо, еще кому-то, но это, конечно, не очень хорошо. Надо, чтобы они как-то определились», — сказал Дмитрий Медведев, комментируя перенос выборов президента Российской академии наук (РАН).

Слово произнесено — многолетней кризис в российской государственной науке приблизился к коллапсу. Хотя премьер предложил Академии лишь юридическую и административную помощь — соответственно, кризис в науке оценивается в терминах юриспруденции и делопроизводства, а не содержательных. Как и сам провал выборов — скорее бюрократический тупик, ставший симптомом содержательной пустоты в науке.

Все эти годы, что идет разговор о «реформе» РАН, рассуждают о чем угодно. О недвижимости, аренде, субаренде, механизмах финансирования, способах отчетности, о том, кто чей человек в академической верхушке — но только не о самой науке, которая на самом деле несколько шире организационных и интеллектуальных проблем исключительно Академии и во всем мире развивается в университетах. Однако это чуть другая, хотя тоже невеселая история...

Да, наверное, всегда имело и имеет смысл говорить о ресурсной недостаточности науки, и в том числе РАН, но так ведь время такое – пушки вместо масла, бомбы вместо исследований, «тысячелетняя история» вместо интеллектуального горения, православные скрепы и чекистская безопасность вместо свободы научного обмена и интернационализации науки.

На выходе – причудливый симбиоз организационного паралича РАН с кафедрой теологии в МИФИ.

Но судя по тому, как годами идет реформа РАН, дело не только и не столько в ресурсной недостаточности, сколько в организационной дистрофии, с которой не справилось Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), и все-таки в интеллектуальном бесплодии.

Уверен, эти слова можно опровергнуть десятком примеров. У которых есть одно общее свойство: они – героические исключения из правил. И часть этих примеров будет состоять в демонстрации увеличения публикаторской активности, мало чем отличающейся от приписок в выполнении плана в советское время.

Если в стране вместо здравоохранения – отчетность о здравоохранении, то и вместо культа науки появится лишь культ отчетности в бумажной и безбумажной формах.

Вся страна пишет справки и справки о справках, инструкции о заполнении справок, считает деньги и шагу не может шагнуть без налогового консультанта. Тут не до содержательной активности. И кризис будет оцениваться как правовой, даже уголовно-правовой, финансовый, отчетный, налоговый, какой угодно, только не содержательный.

Если прорывы в нашей глубоко суверенной науке есть, то почему о них ничего не слышно? На десятки великолепных западных журналов, популяризирующих науку, у нас приходится чуть ли не одно приличное периодическое издание вроде «Кота Шредингера». Лучшие книги о естественных и точных науках – переводные, да и то их стало меньше, потому что Фонд Зимина объявили иностранным агентом. Лучшие книги о российской истории – тоже переводные (или, скорее, в массе своей не переведенные). Про остальные отрасли гуманитарного знания лучше просто промолчать, если, конечно, не упоминать

их новую базовую функцию по идеологическому обслуживанию политехнологических манипуляций.

Государство само, своими руками в стиле ручного же управления, сделало максимально привлекательным труд чиновника министерства или госкомпании, хорошо профинансировало работу силовика и своим телевизором воспело его. И кто после этого выберет академическую карьеру? Скорее уж теологическую – там у них и часы, и лексусы, и скрепы.

Пальбой и молитвой можно проложить себе дорогу в жизни, а не уравнениями и телескопами. Все равно ни черта не видно, поскольку застройщики мешают выполнять свою функцию даже Пулковской лаборатории – негасимый свет новостроек мешает наблюдать за движением небесных тел.

Сегодня ни один из видов искусств – от кино до литературы – не знает такого персонажа, как ученый.

Хотя бы в полукарикатурном виде – наигрывающего со стариковской грацией «Журчат ручьи». Фильм «Девять дней одного года» невозможен в нынешних обстоятельствах – он смотрелся бы как вымученная подделка и поделка, казался бы неорганичным и непонятным. Наверное, герои-ученые из «Свежо предание» И. Грековой, «Не хлебом единым» Дудинцева, «Бессонницы» Крона существуют и в сегодняшнем реальном мире и даже ходят по коридорам учреждений РАН. Только о них ничего не знают не то что широкие народные массы, но, наверное, и академическое начальство.

Институт репутации сильно деградировал во многих профессиях, но в каком виде он существует сегодня в науке? Может быть, это стоит обсуждать, а не отдельные недостатки Устава РАН? Наверное, все-таки потоки частиц важнее финансовых потоков. А стирание государственных границ в науке важнее ее суверенизации и, скажем так, «медиевизации» — с борьбой с иноагентами, официальным сопротивлением командировкам ученых за границу и проникновением религии в научные учреждения.

Выход из кризиса ищут традиционными методами – укреплением вертикали. Ответом на скандал с выборами главы Академии стала подготовка Госдумой поправок в закон о науке, согласно которым президента РАН должен назначать президент РФ. Выход найден – ручное управление. Но это верный признак кризиса института – если предполагается, что управлять им можно только автократическим способом, значит, он уже испытал окончательную эрозию.

Есть идеальный шторм, а есть идеальный коллапс. Так же, как и РАН могут начать разваливаться любые институты, которые тонут в отчетности и политическом угодничестве, и при этом почти ничего не производят. Проблема только в том, что прямое президентское правление – лишь симптом жесточайшего кризиса, а не способ его лечения. Оно снимает головную боль на короткое время, но не борется с болезнью. И уж точно от него не родятся научные открытия.

Институциональное проклятие страшнее сырьевого, хотя в нашей стране они идут в одной колонне, плечом к плечу.

В истории кризиса РАН нет положительных и отрицательных героев: наука попала в институциональную ловушку. Ей, как и другим отраслям и институтам, нужны две вещи: свобода (в нашем случае – академическая) и деньги (на исследования, а не на поддержание прогнившего организационного каркаса). Правда, есть сомнения в том, что если спустя годы деградации появится и то, и другое, наука немедленно расцветет. Свободой и деньгами для получения результата надо уметь пользоваться. В течение долгого времени никто не проверял, остались ли еще такие навыки – после полутора-то десятилетий пальбы и молитвы.